

УТВЕРЖДАЮ
Заместитель Министра образования
Республики Беларусь
Р.С. Сидоренко
«14» СЕПТЕМБРЯ 2015 г.

**ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА
«РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ И ДУХОВНАЯ ОБЩНОСТЬ»**

2015 год

Темы сочинений по литературе

(выбор темы осуществляется участником олимпиады)

1. Сочинение–эссе «Война не вмещается в оду» (С. Кирсанов).

- Стихотворение, которое каждый в России (Беларуси) должен знать наизусть.
- Рассказ (повесть, роман) о Великой Отечественной войне, который я не мог не перечитать.
- «Бессмертный полк» в военной прозе и поэзии.

2. Язык эпохи в художественном произведении (фрагменте произведения).

Отрывок из романа «Барсуки» (1925) Леонида Леонова

Ш. Зарядье.

В Мокром переулке – потому что у Москвы–реки у самой – на углу большого Щукина желто–розовый дом стоит о четырех длинных ярусах. Давно, – тому сто лет, и кирпичи и люди крупней были, – сшит был каменный дом этот казенным покромом, без улыбки и тех, кто строил, и тех, кому жить в нем. Был он с течением времени заботливо прошиваем железными нитками балок и скреп, но все напрасно. Был и без того дом тот в дряхлости своей столетней крепок, как старый николаевский солдат.

Правым боком каменного своего тулова чуть всего Щукина не перегородил. Левым – подпирает тощую, древнюю церквушку, осеняющую Мокрый. Не дает ей упасть и рассыпаться в легкий ладанный пепелок. «Обопрись, мать, на мою каменную грудь. Крепкая, выдержит» – такое, кажется, говорит старый сей солдат притихшей старушке, напуганной гомоном возрастающей жизни.

Жизнь здесь течет крутая и суровая. В безвыходных каменных щелях дома в обрез набилось разного народа, всех видов и ремесел: копеечное

бессловесное племя, мелкая муравьиная родня. Окна в доме крохотные, цепко держат тепло. Голуби живут в навесах, прыгают оравами воробьи. Городские шумы и трески не заходят сюда, зарядцы уважают чистоту тишины. Глухо и торжественно, как под водами большой реки. Только голубей семейственная воркотня, только повизгивающий плач шарманки, только вечерний благовест.

Тихо и снежно. Жизнь здесь похожа на медленное колесо, но все спицы порознь.

По второму ярусу каменного сего солдата протянулось синим пояском железное уведомление: помещается тут трактир и постоянный двор и меблированные комнаты. Название всему заведению – «Венеция», а принадлежит Секретову Петру.

Нетронутой, несуетливой стариной оваян Секретовский дом. На обширном здесь проходном дворе рядами выстроились извозчичьи сани. Лошади фыркают и грызут овес. Голубиные стаи, целые облака голубей, лениво вздымаются и снова оседают вокруг лошадиных кормух. Голубь здесь смиренный, доверчивый, с руки берет. Голоса – гулки: железа много. Железные ведут на крыши лестницы, железные караулят у внутренних складов двери, железные галерейки и стропила, переплетаясь, выются по стенам. ...усыпана снежком вся та железная паутина.

С фасада смотреть – пониже Секретовского второе висит железное уведомление, – на краях его золоченый крендель, синее казанское мыло, белая сахарная голова. «Бакалейная торговля Быхалова» – здесь теперь Савельевы ребятки. Помещение это сырое и темное, как в сапоге здесь: потолки висят тяжело, гнетут потолки, потому что весь дом на нижнем этаже, как на сапогах, стоит. Разделены сапоги длинными сквозными воротами: проходит в них ветер, едет извозчик, и обоим не тесно.

Глядят Секретовские окна весело: «слава–те, не гробами торгуем!». Быхаловские окна исподлобья глядят. Зимами, как ныне, уныло мерзнут на них укусов мрачные бутылки и сухой горчицы скоробленные коробки. Летами мякнут от жары алые ломти арбуза, кучи перезрелых огурцов, горки румяных яблок. Целые стаи устремляются тогда к ним: жирных ленивых мух и тощих зарядских ребят. Тогда и запах в Зарядьи сменяется на арбузный...

А запахов здесь много, с них бы и нужно начинать. То пальнет в прохожего кожей из раскрытого склада, – запах шуршащий, приятный, бодрый. То шарахнет в прохожего крепким русским – кухонным настоем из харчевенки, притулившейся Быхалову наискосок. То обдаст его, заматавшегося, как помоями, из Дудинского подвального окошка, а Дудин – скорняк, А уже за углами сторожат его сотни других притких запахов. Тонконосым в Зарядье лучше и не ходить.

Зарядская суетня – с рассвета. В семь, едва утро, вскакивает Сеня с дощатой койки и бежит отпирать. Холодно и дрожко, а сонные глаза еще трудней отмыкаются, чем тяжелые, забухшие инеем замки. Покуда бежит Пашка в трактир за кипятком для чая, сам Быхалов, Зосим Васильевич, выходит за дверь, на улицу, хрустящую под шагами редких прохожих. Он,

обнажая лысину от стеганого ватного картуза, сурово крестится на три стороны, обступающие его бакалею. В одной стороне, направо, розовеет в заре старое золото кремлевских маковок. В другой – за проломом Китайских ворот стоит неизвестного назначения глухой дом: тридцать восемь лет верится Быхалову – за этим домом восток. В третьей стороне пустоет незастроенное место. Стоял здесь дрянненький, да подсох в жару, да подмок в осень, да мышки его подгрызли, да из трубы однажды залило, – остатки пожар догрыз. Виден здесь спокойному оку Быхалова огромный клочок зимнего неба.

Из тесноты и житейской маяты любо глядеть зарядцу в хрусткое, зимнее небо декабря. В нем синие и розовые ленты, словно в Брыкинской галантерее, бегут и ширятся ослепительными дугами. Их моет морозное солнце, топорщит снежный ветер. Птицы, замедлив взмахи крыл, падают в тех лентах. Голуби окунаются в холод, ворона чертит ровные, бесшумные круги...

А в переулках сине от снега и пара. Домики в них, – как курносенькие ребятки, как пропылившиеся ветхие старички, как пузатые купчины с ярлыками вывесок, который – чем богат.

Александр Александрович Бестужев–Марлинский (1797–1837)

Латник

Рассказ партизанского офицера

(Впервые опубликован в 1832 году с подписью: «А. М»)

Мы гнались за Наполеоном по горячим следам. 22 ноября послал меня Сеславин очистить левую сторону Виленской дороги, с сотнею сумских гусар, взводом драгун Тверского полка да дюжиною донцов. Местом сбора назначено было местечко Ошмяны, и я, получив приказание, что делать и чего не делать, на рысях пустился проселками. День был не морозен, но туманен, и порой перепархивал снежок – лихая пороша на зверей и неприятелей. Впрочем, и без нее легко можно было узнать, где прошли французские отряды: взорванные ящики, брошенные повозки, павшие кони и, что всего ужаснее, замерзшие солдаты устлали дорогу.

Под моей командою был прекрасный молодой человек, поручик Зарницкий...

<...> Чтобы не наткнуться на засаду, я не прежде ввел своих в лес, как уверившись, что неприятель стянул своих стрелков на дорогу. ...Мы скоро нагнали отступающих французов; отряд их состоял из батальона пехоты при двух орудиях. Жалко и страшно было смотреть на обезображенных усталостию, морозом и голодом гренадеров; смешно бы было видеть их костюмы, если б мы сами не были убраны чуть не так же. И у них, и у нас были люди в рясах, в балахонах, в женских шапочках, у кого нога в лапте, у

кого в сапоге; мой вахмистр, лихой рубака, целых два месяца щеголял в салопе какой-то купчихи, а я сам был завернут в ковер, посреди которого прорезал место для головы. В столицах смеялись карикатурам бегства французов из России, но поход и бивачная жизнь нарядили и нас в их мундиры; пестрота была невообразимая!

Французский отряд шел медленно, зато в непроницаемом порядке, и каждым разом, как мы порывались ударить на них, обращался и, твердой ногой ставши, отстреливался. Батальонный командир вился около своих, ободряя их словом и примером.

Всякий раз, когда перемежался огонь, голос его слышался громок и внятен. ...Неприятельские орудия, подернутые морозом, скрипя и гремя цепями, прыгали через коренья литовских сосен; худые кони, натужась в упор, едва тащили их по гололедице – рвались, скользили, падали; наконец мы заметили, что одно из орудий стало отставать, отставать, и французы, видя, что ни бичом, ни криком нельзя ободрить коней, отпрягли их, загвоздили затравку, изрубили спицы и бросили пушку на дороге.

Разумеется, что и мы сделали то же. Куда нам было возиться с этою дрянью, в двенадцатом году пушками хоть пруд пруди. Мимоходом сказать, большая часть кавалерии и артиллерии наполеоновской погибла не столько от недостатка в кормах, как от безделицы – от неумения ковать лошадей на шипы.

Лес начал редеть; неприятель выстроил колонну и сдвоил шаг, чтобы через поле скорее добраться до замка, который вдали выглядывал из-за деревеньки. Я усилил фланкеров.

Казачьи и гусарские налетали на колонну, как ласточки на ястреба, и щипали его по перу; одни за другими падали французы на следы свои, порой валился и русский. Мне наскучили эти шутки.

Выбрав чистое место, я развернул фронт, в надежде смять натиском неприятеля и захватить пушку, – но он угадал меня, на бегу выстроил каре, маскировал орудие и стал недвижим. Люди у меня были сорвиголова, наезжены лихо, оружием владеть мастера, прокопчены порохом до костей и так приметались ежедневными стычками к нападениям, что слушались слова начальника пуше пули неприятельской; со всем тем атаковать опытную пехоту конницею – заставит хоть у кого прыгать ретивое. Впрочем, .. унтер-офицеры – это нравственное основание строя – были у нас в отряде народ отличной храбрости. Ходили мы в атаку не иначе как рысью, затем что нестись во весь опор за версту кончается обыкновенно тем, что строй разорвется, многие кони задохнутся, многие понесут и лишь одна горсть отважных доскакивает до неприятельского фронта и, опрокинутая, улепетывает назад быстрее натиска. Кричать «ура» не было заводу, затем что те, которые режут прежде всех и раньше поры, первые осаживают под шумок коней и оттого расстраивают купность удара. Напомнив гусарам, что и как должны они делать, я повел атаку ровно, смело. Мерзлая земля загудела под мерною рысью; уланские пики, которыми тогда вооружены были и гусары, залепетали флюгерами, и брэнчанье оружия раздалось в осеннем воздухе; все

это покрывалось изредка словами: «Равняться, не волноваться, не заваливать плеч!» В неприятельском фронте была смертная тишина, мы близились быстро; можно уж было различать бледные лица и сверкающие над стволами глаза гренадеров под наклоненными их шапками. В ста шагах я скомандовал «марш–марш» и с поднятою саблею кинулся на рогатку штыков; в то же мгновение ...грянул пушечный выстрел, картечи запрыгали около, и густой батальный огонь покатился.., – он развеял наш фронт, как пух.

Кони смешались, на раненых спотыкались здоровые, мы принуждены были обратиться назад. Картечь и штыки – нестерпимые вещи для лошадиной природы. Три раза еще порывались мы пробить каре, и три раза были отбиты. Я грыз зубы. Поручик бесновался... но делать было нечего. Пришлось, сберегая людей, ограничиться перестрелкою, ожидая удобнейшего местоположения или времени. Завязать дело было необходимою, чтобы развлечь внимание неприятельского корпуса. Пускай себе думают, что мы, обманувшись, преследуем Наполеона проселками, между тем как наши летучие отряды катились у него на шпорах.

Так догнали мы храбрых своих врагов до небольшой деревеньки при замке Треполь. Между тем люди и кони мои изнурились давним налетом как нельзя более, – надобно было освежить тех и других, а в поле ни стога сена, в саквах ни крошки сухарей; волей и неволей приходилось добыть себе хлеб насущный и ночлег в деревне, прогнав из нее неприятеля. На русского солдата всего сильнее действует такая логика, и когда я объявил им в чем дело, они с жаром кинулись выбивать французов из засады. Впереди шли драгуны в штыки, гусары с карабинами подкрепляли их, казаки зажигали дома с боков, – это подействовало: мы потеснили их до самого замка, ворвались во двор, и наконец они заняли только самый корпус дома панского и в нем отстреливались тем отчаяннее, тем безопаснее, что взвели на подъезд свое орудие и очищали им весь двор, сквозь огромные двери сеней.

<...> – Ребята, вперед, ура, в штыки, в дротики! За мной!– закричал мой поручик и бросился на пушку с охотниками; выстрел сверкнул – и наших обдало как варом. ...солдаты отступили в беспорядке. Я был впереди, кричал, сердился, приказывал, грозил – все даром: люди мои будто ничего не слышали, перестреливаясь издали, медленно, лениво, – я кипел негодованием и досадою.

Вдруг, видим мы, несется к нам на рыжем коне всадник, в черных латах, в блестящей каске, из–под заброшенной за спину шинели сверкал штаб–офицерский эполет. Прискакав под выстрел, он спрыгнул с коня и обнажил палаш свой.

– Вперед, вперед! – крикнул он. – Сомкни ряды. Господин ротмистр, вы должны непременно взять этот замок! Ребята! Вы русские, – вам стыдно отступать, за мной, товарищи; я вам начальник; смерть тому, кто отстанет, – на руку, ура!

С этим словом он кинулся к стене, не оглядываясь назад, как будто уверенный, что магический пример его увлечет всех за собою. И в самом деле, неожиданное появление этого латника, его колоссальные формы, его

бесстрашная осанка, его повелительный голос показались солдатам чем-то сверхъестественным; они ожили, посильнели...

Комментарии.

Латник – воин, одетый в латы.

Александр Никитич Сеславин (1780–1858)– русский офицер, прославился в 1812 г. как герой партизанской войны. Первым обнаружил отступление французской армии и сообщил об этом М.И. Кутузову.

...да дюжиною донцов. – По выражению историка, «самую блистательную страницу в летописях Донского войска навсегда пребудет его преследование неприятелей, совершенное под начальством графа Платова, безостановочно, в позднее время года, от Малоярославца до Ковно. На сем пути полки, лично предводимые знаменитым атаманом, взяли более 500 орудий, несметные обозы, полонили 50 000 человек...» (Описание Отечественной войны в 1812 году, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. СПб., 1839. 4.4. С. 298).

...назначено было местечко Ошмяны... – Имеется в виду уездный город Виленской губернии, расположенный на берегу р. Ошмяны (бассейн Немана).

...загвоздили затравку... – Т. е. заклепали, забили гвоздем запал огнестрельного орудия.

Я усилил фланкеров. – Фланкеры – конные воины, высылаемые к флангам отряда для охраны его от нападения.

унтер-офицеры... – В Российской империи унтер-офицеры являлись верхним из двух (нижнее – рядовые) званий нижних – первой (низшей) степени военных чинов.

А. П. ЧЕХОВ

ВИШНЕВЫЙ САД

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната, которая до сих пор называется детской. Одна из дверей ведет в комнату Ани. Рассвет, скоро взойдет солнце. Уже май, цветут вишневые деревья, но в саду холодно, утренник. Окна в комнате закрыты.

Входят *Дуняша* со свечой и *Лопухин* с книгой в руке.

Лопухин. Пришел поезд, слава богу. Который час?

Дуняша. Скоро два. (*Тушит свечу.*) Уже светло.

Лопухин. На сколько же это опоздал поезд? Часа на два, по крайней мере. (*Зевает и потягивается.*) Я-то хорош, какого дурака сваял! Нарочно приехал сюда, чтобы на станции встретить, и вдруг проспал... Сидя уснул.

Досада... Хоть бы ты меня разбудила.

Дуняша. Я думала, что вы уехали. (*Прислушивается.*) Вот, кажется, уже едут.

Лопехин (прислушивается). Нет... Багаж получить, то да се...

Пауза.

Любовь Андреевна прожила за границей пять лет, не знаю, какая она теперь стала... Хороший она человек. Легкий, простой человек. Помню, когда я был мальчонком лет пятнадцати, отец мой покойный — он тогда здесь на деревне в лавке торговал — ударил меня по лицу кулаком, кровь пошла из носу... Мы тогда вместе пришли зачем-то во двор, и он выпивши был. Любовь Андреевна, как сейчас помню, еще молоденькая, такая худенькая, подвела меня к рукомойнику, вот в этой самой комнате, в детской. «Не плачь, говорит, мужичок, до свадьбы заживет...»

Пауза.

Мужичок... Отец мой, правда, мужик был, а я вот в белой жилетке, желтых башмаках. Со свиным рылом в калашный ряд... Только что вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобраться, то мужик мужиком... (*Перелистывает книгу.*) Читал вот книгу и ничего не понял. Читал и заснул.

Пауза.

Дуняша. А собаки всю ночь не спали, чувят, что хозяйева едут.

Лопехин. Что ты, Дуняша, такая...

Дуняша. Руки трясутся. Я в обморок упаду.

Лопехин. Очень уж ты нежная, Дуняша. И одеваешься, как барышня, и прическа тоже. Так нельзя. Надо себя помнить.

Входит *Епиходов* с букетом; он в пиджаке и в ярко вычищенных сапогах, которые сильно скрипят; войдя, он роняет букет.

Епиходов (поднимает букет). Вот садовник прислал, говорит, в столовой поставить. (*Отдает Дуняше букет.*)

Лопехин. И квасу мне принесешь.

Дуняша. Слушаю. (*Уходит.*)

Епиходов. Сейчас утренник, мороз в три градуса, а вишня вся в цвету. Не могу одобрить нашего климата. (*Вздыхает.*) Не могу. Наш климат не может способствовать в самый раз. Вот, Ермолай Алексеич, позвольте вам присовокупить, купил я себе третьего дня сапоги, а они, смею вас уверить, скрипят так, что нет никакой возможности. Чем бы смазать?

Лопехин. Отстань. Надоел.

Епиходов. Каждый день случается со мной какое-нибудь несчастье. И я не ропщу, привык и даже улыбаюсь.

Дуняша входит, подает Лопихину квас.

Я пойду. (*Натыкается на стул, который падает.*) Вот... (*Как бы торжествуя.*) Вот видите, извините за выражение, какое обстоятельство, между прочим... Это просто даже замечательно! (*Уходит.*)

Дуняша. А мне, Ермолай Алексеич, признаться, Епиходов предложение сделал.

И. А. БУНИН

САВАОФ

Я помню сумрак каменных аркад,
В середине свет — и красный блеск атласа
В сквозном узоре старых царских врат,
Под золотой стеной иконостаса.

Я помню купол грубо-голубой:
Там Саваоф с простертыми руками,
Над скудной и темною толпой,
Царил меж звезд, повитых облаками.

Был вечер, март, сияла синева
Из узких окон, в куполе пробитых,
Мертво звучали древние слова.

Весенний отблеск был на скользких плитах —
И грозная седая голова
Текла меж звезд, туманами повитых.

28 июля 1908 г.

К. М. СИМОНОВ

1

Памяти Бориса Горбатова

Умер друг у меня — вот какая беда...
Как мне быть — не могу и ума приложить.
Я не думал, не верил, не ждал никогда,
Что без этого друга придется мне жить.
Был в отъезде, когда схоронили его,
В день прощанья у гроба не смог постоять.
А теперь вот приеду — и нет ничего;
Нет его. Нет совсем. Нет. Нигде не видать.

На квартиру пойду к нему – там его нет.
Есть та улица, дом, есть подъезд тот и дверь,
Есть дощечка, где имя его – и теперь.
Есть на вешалке палка его и пальто,
Есть налево за дверью его кабинет...
Все тут есть... Только все это вовсе не то,
Потому что он был, а теперь его нет!
Раньше как говорили друг другу мы с ним?
Говорили: "Споем", "Посидим", "Позвоним",
Говорили: "Скажи", говорили: "Прочти",
Говорили: "Зайди ко мне завтра к пяти".
А теперь привыкать надо к слову: "Он был".
Привыкать говорить про него: "Говорил",
Говорил, приходил, помогал, выручал,
Чтобы я не грустил – долго жить обещал,
Еще в памяти все твои живы черты,
А уже не могу я сказать тебе "ты".
Говорят, раз ты умер – таков уж закон, –
Вместо "ты" про тебя говорить надо: "он",
Вместо слов, что люблю тебя, надо: "любил",
Вместо слов, что есть друг у меня, надо: "был".
Так ли это? Не знаю. По–моему – нет!
Свет погасшей звезды еще тысячу лет
К нам доходит. А что ей, звезде, до людей?
Ты добрей был ее, и теплей, и светлей,
Да и срок невелик – тыщу лет мне не жить,
На мой век тебя хватит – мне по дружбе светить.

2

Умер молча, сразу, как от пули,
Побледнев, лежит – уже ничей.
И стоят в почетном карауле
Четверо немолодых людей.

Четверо, не верящие в бога,
Провожают раз и навсегда
Пятого в последнюю дорогу,
Зная, что не встретят никогда.

А в глазах – такое выраженье,
Словно верят, что еще спасут,
Словно под Москвой из окруженья,
На шинель подняв, его несут.

Дружба настоящая не старится,
 За небо ветвями не цепляется,—
 Если уж приходит срок, так валится
 С грохотом, как дубу полагается.
 От ветров при жизни не качается,
 Смертью одного из двух кончается.

ВЕРОНИКА ТУШНОВА

Вот говорят: Россия...
 Реченьки да березки...
 А я твои руки вижу,
 узловатые руки,
 жесткие.
 Руки, от стирки сморщенные,
 слезами горькими смоченные,
 качавшие, пеленавшие,
 на победу благословлявшие.
 Вижу пальцы твои сведенные,—
 все заботы твои счастливые,
 все труды твои обыденные,
 все потери неисчислимые...
 Отдохнуть бы, да нет привычки
 на коленях лежать им праздну...
 Я куплю тебе рукавички,
 хочешь — синие, хочешь — красные?
 Не говори «не надо»,—
 мол, на что красота старухе?
 Я на сердце согреть бы рада
 натруженные твои руки.
 Как спасенье свое держу их,
 волнения не осия.
 Добрые твои руки,
 прекрасные твои руки,
 мать моя, Россия!

3. Сочинение–рассуждение «Что в имени тебе моем?»: роль имени героя в содержании произведения (произведения — по выбору участника).

- Имя как квинтэссенция характера (типа) героя.
- Роль именования героев в семейном романе.
- Имя героя и литературная традиция.
- Имя возлюбленной (отсутствие имени) как образ Любви.
- Имя–символ в литературном произведении.